КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го юля № 14. 1862 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

КІЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ КОНСИСТОРІЯ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

(Продолженіе).

Переходимъ къ внутреннему состоянію консисторіи, и опредѣлимъ объемъ и значеніе ея власти, и характеръ ея суда.

Предварительно намъ нужно знать пространство, на которомъ дѣйствовала консисторская власть. За этимъ мы отсылаемъ нашихъ читателей къ 1-му 1861 г. № Кіев. Епарх. Вѣдомостей, къ статьѣ: *Границы кіевской епархіи въ прежнее и нынѣшнее время.* То были вмѣстѣ и границы консисторской власти. Впрочемъ, на этомъ пространствѣ было нѣсколько пунктовъ, не подлежавшихъ вѣдѣнію консисторіи,—это ставропигіальные монастыри, межигорскій и кіево-печерская лавра, со

всѣми подчиненными имъ монастырями, скитами (*), а такъ же и со всѣми приходами, находившимися въ ихъ имѣніяхъ. Для управленія приходами своихъ имѣній, лавра еще въ 1629 году учредила при Ѳеодосіевской кіево-печерской церкви протопопское правленіе, во всѣхъ своихъ дѣлахъ зависѣвшее лишъ отъ ея собора, который вѣдалъ и судилъ всѣ дѣла о приходскомъ своемъ духовенствѣ, раздавалъ приходы, отрѣшалъ отъ нихъ, перемѣщалъ съ одного на другой, запрещалъ богослуженіе и проч., и только для рукоположенія посылалъ получившихъ приходы къ митрополиту или къ архіереямъ, жившимъ въ лаврѣ на покоѣ. Кіевскіе митрополиты, разумѣется, не могли спокойно смотрѣть на эти привиллегіи въ своей области, на это *Status in Statu*. Гедеонъ Четвертинскій, Варлаамъ Ясинскій, Іоасафъ Кроковскій, Варлаамъ Ванатовичъ пытались подчинить общему епархіальному управленію лаврскіе и межигорскіе приходы, и дѣло объ этомъ почти съ 1685 по 1725 годъ не прекращалось. Лавра сильно стояла за свою привиллегію, поддерживала въ процессѣ межигорскій монастырь, и каждый разъ получала новыя ей подтвержденія. Митрополиты просили наконецъ, чтобы за ними осталось право рукополагать на приходы избираемыхъ лаврою кандидатовъ, имѣя въ виду доходъ, который приносило тогда архіереямъ рукоположеніе, и который составлялъ содержаніе архіерейскаго двора (**); но лавра исходатайствовала себѣ право быть свободной и въ этомъ отношеніи, хотя для ней безразлично было, у кого бы ни руко-

(*) Лаврѣ принадлежали тогда скиты: **голосѣевскій** и **китаевскій**, монастыри **новопечерскій**, **свѣнскій**, **чолнскій**, **сенянскій**, **зміевскій** и **омбышевскій**; межигорскому монастырю принадлежалъ монастырь **самарскій**.

(**) До 1786 года ставленники платили въ казну митрополитовъ: за посвященіе въ стихарь 2 руб. $19^3/_4$ коп., за рукоположеніе въ діакона 4 руб. $39^1/_2$ коп., за рукоположеніе во священника 6 руб. $52^1/_2$ коп. Кто искалъ священническаго сана, не имѣя еще діаконскаго и стихаря, такъ что нужно было разомъ проводить его чрезъ эти степени, тотъ платилъ за все вмѣстѣ 13 руб. 5 коп.

полагался тотъ, кому она отдала приходъ, и съ тѣхъ поръ всегда приказывала этимъ лицамъ рукополагаться или у черниговскаго архіерея или у переяславскаго, хотя къ каѳедрѣ митрополита отъ ея собора, гдѣ искатель прихода лично получалъ утвержденіе, было всего двѣ версты. Особенно силенъ былъ споръ изъ за этого при митрополитѣ Варлаамѣ Ванатовичѣ; онъ длился три года (1722—1724), и едва не кончился въ пользу послѣдняго. Только въ 1769 году приходы лавры и ей подвѣдомыхъ монастырей подчинены мѣстнымъ консисторіямъ.

На указанномъ пространствѣ Кіева консисторія завѣдывала только судебною частію. Администрація исходила единственно отъ митрополита; дѣла о рукоположеніяхъ, освященіяхъ и благословеніяхъ, о переводахъ, назначеніяхъ въ должности, о бракахъ и вообще о всемъ, что тогда давало митрополиту доходъ, принадлежали каѳедральной канцеляріи, управлявшей каѳедральнымъ монастыремъ и всѣми его имѣніями, назначенными на содержаніе митрополита. Дѣла этой канцеляріи поступали въ консисторію только тогда, когда требовалось произвесть по нимъ слѣдствіе, по случаю какой нибудь неисправности, неточности, растраты или утайки суммъ, пропажи вещей и т. под. Отсюда то правитель дѣлъ консисторіи часто писался: „консисторскій *судовый* писарь,“ или же „*судовыхъ дѣлъ* писарь.“ Къ консисторіи причислены были и нѣкоторыя вѣдомства, въ настоящее время совершенно обособленныя, и по своему предмету или характеру несоотвѣтствовавшія прямому назначенію ея, какъ судебнаго епархіальнаго учрежденія, напр. кіевская академія, завѣдываніе духовенствомъ полковъ, расположенныхъ въ кіевской епархіи. Впрочемъ, въ академіи она завѣдывала только экономическою частію, и притомъ потому, что главное содержаніе свое академія имѣла отъ имѣній братскаго монастыря, который по всѣмъ частямъ своимъ принадлежалъ епархіальному вѣдомству.

Кіевская, какъ и прочія малороссійскія консисторіи, не получивъ вначалѣ никакого кодекса, которымъ точно опредѣлялось бы ея значеніе въ епархіи, ея права и отношенія къ главной епархіальной власти, митрополиту, не имѣла и въ описываемое время твердыхъ основаній для этаго, не получала никакихъ уставовъ, полныхъ правилъ и под., все держалось обычаемъ, преданіемъ, утвердившимся на первомъ примѣрѣ и подражаніи. Съ учрежденіемъ св. Сvнода должны были опредѣленно сформироваться и управленія епархіальныя. Но эта формировка шла медленно, по частямъ, притомъ безъ опредѣленнаго плана, и не закончена до слѣдующаго вѣка (*). Первымъ, по времени и по значенію, опредѣленіемъ новаго епархіальнаго устройства былъ *Духовный Регламентъ*; но онъ не касался епархіальныхъ судовъ, и оставлялъ ихъ на благоусмотрѣніе архіереевъ (**). Въ великороссійскихъ епархіяхъ при архіереяхъ, для содѣйствія имъ въ управленіи, были такъ называвшіеся *архіерейскіе домы*, состоявшіе изъ *судіи духовныхъ дѣлъ* (іеромонаха) и нѣсколькихъ приказныхъ. Эти *домы* были не болѣе, какъ домашними канцеляріями архіереевъ: св. Сvнодъ относился непосредственно къ нимъ, и чрезъ нихъ дѣйствовалъ на епархіи только въ такомъ случаѣ, когда въ епархіи не было архіерея; во всякомъ же другомъ случаѣ св. Сvнодъ вѣдался съ однимъ архіереемъ, какъ съ единственною формальною властью въ епархіи. Эти *домы* потомъ исполняли только порученія архіерея,—имѣли такой или другой кругъ занятій, въ такомъ или иномъ духѣ рѣшали и изслѣдовали дѣло и проч., смотря по мысли и расположенію архіерея. Самый составъ ихъ, опредѣленіе и увольненіе *Начальника дому* или *Судіи духовныхъ дѣлъ*, не говоря уже о приказныхъ, находился въ полной волѣ архіерея. Впро-

(*) **Уставъ духов. консисторій** въ первый разъ изданъ въ 1841 году.

(**) **Духов. Регламентъ** стр. 37, по изд. 1818 года.

долженіе всего этаго періода возбуждались въ св. Сѵнодѣ разные вопросы объ этихъ мѣстахъ, и, хотя всѣ эти вопросы касались только частностей ихъ, иногда вовсе незначительныхъ, однако, занимаясь ими, и утверждая для нихъ такое или другое постановленіе, Сѵнодъ тѣмъ самимъ болѣе и болѣе выдвигалъ ихъ на видъ, давалъ имъ болѣе и болѣе формальнаго значенія. Такъ, въ 1744 году всѣ эти *домы* названы консисторіями, въ 1769 году велѣно, чтобы архіереи не опредѣляли въ консисторіи секретарями монашествующихъ, а такъ же, чтобы между членами непремѣнно были и лица изъ бѣлаго духовенства и под. Такимъ же точно образомъ новоучрежденный св. Сѵнодъ относился и къ консисторіи кіевской, а тѣмъ самимъ и ее ставилъ въ рядъ великорусскихъ архіерейскихъ домовъ. Въ 1718 году умеръ кіев. митрополитъ Іоасафъ Кроковскій, и Петръ 1-й отложилъ избраніе ему преемника. Чрезъ кого высшей власти дѣйствовать на кіевскую епархію? Въ епархіи великороссійскія, въ подобныхъ случаяхъ, посылали всѣ указы на имя правителя дому архіерейского, судіи духовныхъ дѣлъ. Такъ поступили тогда и здѣсь: сначала указы въ епархію присылались на имя намѣстника митрополичьяго дома или каѳедры, потомъ на имя каѳедральнаго казначея, и наконецъ уже на имя консисторіи. Ни въ какихъ другихъ случаяхъ св. Сѵнодъ не относился къ ней, и консисторія, оставаясь, по наружному своему устройству, „соборомъ делегатовъ,“ на дѣлѣ была судебною канцеляріею митрополитовъ. Когда митрополиты находились внѣ Кіева, напр. только еще ѣхали въ епархію или обозрѣвали ее, тогда при нихъ учреждалось особое, временное присутствіе: изъ одного архимандрита, каѳедральныхъ—намѣстника, писаря и архидіакона, подъ названіемъ *Походной Конторы*. Эта контора всюду слѣдовала за митрополитами, служила на ту пору единственнымъ выраженіемъ воли ихъ, и подчиняла себѣ такимъ образомъ консисторію, посылая ей *указы* и принимая отъ нея *рапорты*. Въ ука-

захъ конторы всего яснѣе выступало значеніе консисторіи въ отношеніи къ митрополитамъ. Походная контора митрополита Гавріила Кременецкаго, жившаго, по случаю моровой язвы 1771 года, внѣ Кіева—въ Гамалѣевскомъ монастырѣ, требуя отъ консисторіи вѣдомости о монастыряхъ кіевской епархіи, начинаетъ указъ такъ: „По указу Ея Императорскаго Величества, Св. Правительствующаго Сѵнода членъ, Преосвященный Гавріилъ митрополитъ Кіевскій и Галицкій, по пастырскому своему дому и *довѣренностію* отъ Ея Императорскаго Величества и святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода *уполномоченный* къ наблюдательству и попечительству о благоустроеніи и благосостояніи какъ Божіихъ церквей, такъ и наипаче обителей святыхъ и въ нихъ правящихъ и живущихъ и принадлежащихъ ко онымъ св. обителямъ именій движимыхъ и недвижимыхъ, церковныхъ и монастырскихъ, изъ коихъ пропитаніе и содержаніе доставляется, тако жъ и всѣхъ доходовъ изъ оныхъ именій, *яко по воспослѣдовавшимъ отъ главной команды вопросамъ за нихъ и отвѣчающій....*" (*).

На основаніи древнихъ правилъ вошедшихъ въ употребленіе во всей малороссіи до присоединенія ея къ Россіи, кіевская консисторія и по присоединеніи производила свой судъ по прежнему своему кодексу, состоявшему: изъ правилъ соборовъ и св. отцовъ, соборовъ южнорусскихъ, постановленій кіевскихъ митрополитовъ и статута литовскаго. Но этотъ кодексъ значительно долженъ былъ измѣняться съ того времени, какъ Петръ 1-й рѣшилъ преобразовать управленіе русской церкви. Прямаго и опредѣленнаго постановленія объ отмѣнѣ его, или преобразованіи его въ томъ или другомъ составѣ, никогда не издавали, а приходили къ этому постепенно, именно: каждое новое постановленіе, разсылая по епархіямъ великороссійскимъ, посылали и въ епархію кіевскую (такъ же въ

(*) Арх. кіев. конс. 1771 года № 172 л. 1.

черниговскую и переяславскую); здѣсь получали это постановленіе, вносили его въ кодексе и вычеркивали изъ послѣдняго бывшее свое положеніе о томъ же предметѣ. Такъ введенъ здѣсь *Духовный Регламентъ*, такъ вводились потомъ и многочисленные указы о различныхъ предметахъ. Такъ велось это дѣло до 1767 года; въ консисторіяхъ малороссійскихъ все еще оставалось много постановленій мѣстныхъ, часто довольно несогласныхъ съ русскими государственными законами. Въ это время прежній порядокъ дѣлъ до того уже ослабѣлъ и до того уже не гармонировалъ съ обычнымъ теперь ходомъ дѣлъ, что отличительныя постановленія малороссійскаго церковнаго управленія казались безпорядками, и окончательно уничтожены. „Св. Сѵнодъ—говорится въ протоколѣ по этому случаю усмотрѣлъ, что въ малороссійскихъ консисторіяхъ какъ въ производствѣ дѣлъ происходятъ многіе *непорядки*, такъ и въ рѣшеніи оныхъ поступаютъ *несходственно съ государственными узаконеніями*, а сверхъ того оныя консисторіи *вступаютъ и не въ принадлежащія до духовнаго суда дѣла* (разумѣется по кодексу великорусскому), отъ чего св. сѵноду бываетъ напрасное затрудненіе и въ прочихъ дѣлахъ помѣшательство,“ и потому опредѣлилъ, чтобы консисторіи эти впредь строго сообразовались во всемъ съ законами государственными. Тогдашній сѵнодальный оберъ-прокуроръ Мелиссино предложилъ и дѣйствительнѣйшее средство къ осуществленію этаго приговора, именно: замѣнить въ этихъ консисторіяхъ прежнихъ писарей секретарями, опредѣляя ихъ изъ приказныхъ, знающихъ государственныя постановленія. Этимъ на дѣлѣ окончательно уничтожался мѣстный церковноадминистративный кодексъ малороссійскій. Такимъ образомъ консисторское судопроизводство, въ отношеніи къ своимъ началамъ, представляло хаосъ: въ однихъ случаяхъ дѣйствовали новыя постановленія, для другихъ оставались еще прежнія, съ новыми еще не сжились, старыхъ не умѣли съ ними помирить. Въ каждомъ случаѣ консисторія дѣйствовала

по основаніямъ часто внѣшнимъ: случаи, опредѣленные новыми узаконеніями, она рѣшала по этимъ законамъ, неопредѣленные—по своимъ прежнимъ законамъ, тѣ и другіе мѣшала, когда дѣло было безразлично. Опредѣлимъ точнѣе каждый изъ этаго рода случаевъ и законовъ.

Къ случаямъ перваго рода, найрѣзче обозначеннымъ новыми узаконеціями, впродолженіи всего почти вѣка стоявшимъ на главномъ планѣ, относились дѣла: 1) о суевѣріяхъ и 2) объ „ущербѣ Высочайшей чести." Къ суевѣріямъ, по законамъ Петра 1-го, ставившаго ихъ на ряду съ самыми важными государетвенными преступленіями, и наказывавшаго за нихъ пытками и каторгою, относили недоказанныя чудеса, почитаніе такихъ же мощей, мнимо-чудотворныхъ иконъ, такъ же юродство и ханжество. При этихъ случаяхъ чувство вѣры не могло не выдерживать сильной борьбы съ тѣми уроками, какіе оставилъ по себѣ на нихъ Петръ 1-й, напередъ заподозрѣвавшій всякое новое явленіе (иконъ, мощей), безусловно обвинявшій такъ называемыхъ ханжей и юродивыхъ въ мошепничествѣ и злонамѣренности. Но какъ бы ни было сильно это чувство, судіи, во избѣжаніе участи, грозившей Антонію Стаховскому, должны были рѣшать дѣло по этимъ именно примѣрамъ. Въ тогдашней кіевской епархіи случаи явленія иконъ и нетлѣнныхъ тѣлъ были не рѣдки; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, послѣ долгой возни, добивались наконецъ обстоятельнаго изложенія дѣла, какъ напр. объ иконѣ св. Николая, явившейся будто въ приходѣ Пріорки (предмѣстье Кіева), въ вершинѣ ручья Княжухи и о мнимомъ прозрѣніи при ней одного слѣпца (*); въ другихъ же случаяхъ, особенно при открытіи нетлѣнныхъ тѣлъ, рѣшительно путались, боялись даже, да и не умѣли произвесть изслѣдованіе, и спѣшили закапывать ихъ въ землю, какъ напр. поступлено съ нетлѣнными тѣлами, найденными въ 1724 году въ мѣстечкахъ Голтвѣ и Сорочинцахъ (**).

(*) Архивъ кіев. конс. 1745 г. № 86.

(**) Арх. св. синода, 1724 г. № 61.

Ханжами признавали всѣхъ, бросившихъ занятія въ мірѣ и занятыхъ однимъ богомольемъ, какъ людей, промышлявшихъ этимъ состояніемъ, крывшихъ подъ чорнымъ рубищемъ иногда многочисленныя преступленія, такъ и людей съ глубокимъ и искреннимъ расположеніемъ къ подвигамъ духовнымъ. Такихъ лицъ, по духовному регламенту, протопопъ, намѣстникъ и всякій священникъ долженъ былъ, при первой же встрѣчѣ съ ними, представить въ консисторію. Консисторія ограничивалась только подробнымъ распросомъ объ образѣ ихъ жизни, но не знала, какъ быть съ ними, и обыкновенно отсылала ихъ въ губернаторскую канцелярію. Послѣдняя поступала съ ними „по законамъ," скоро находила ихъ бродягами, мошенниками, ворами и разбойниками, сажала въ тюрьмы, отдавала въ солдаты и под.

Но гораздо мѣлче и напряженнѣе была суетливость при случаяхъ, „чинившихъ ущербъ Высочайшей чести." Кіевская консисторія не могла забыть объ участи Варлаама Ванатовича и всѣхъ тогдашнихъ консистористовъ, не совершившихъ торжественнаго молебна о восшествіи на престолъ Анны Ивановны. Преемникъ Ванатовича, Рафаилъ Заборовскій былъ избранъ на каѳедру кіевскую его судьями, а преемникъ Заборовскаго, Тимоѳей Щербацкій былъ въ числѣ членовъ консисторіи (какъ писарь каѳедральный), взятыхъ вмѣстѣ съ Ванатовичемъ. Оба они сильно тревожились при подобныхъ случаяхъ. При Заборовскомъ консисторія, за несовершеніе молебновъ въ царскіе дни, заковывала въ кандалы, лишала сана и предавала гражданскому суду, который ссылалъ такихъ преступниковъ въ Сибирь. Обыкновенно, по тогдашнему порядку, каждый священникъ въ царскій день долженъ былъ, тотъ часъ послѣ литургіи, являться къ своему *намѣстнику* (нынѣ благочинный), который „соборомъ" служилъ молебенъ. Иному священнику приходилось ѣхать за 20—30 верстъ, въ мятель или въ сильный

дождь и не поспѣть ко времени молебна,—консисторія и такого не смѣла оставлять безъ наказанія. Иной надолго оставлялъ свой приходъ; но гдѣ бы онъ ни былъ, онъ долженъ былъ въ царскіе дни являться къ мѣстному намѣстнику на молебенъ и имѣть отъ него свидѣтельство объ этомъ; если же онъ не имѣлъ этаго свидѣтельства, но увѣрялъ, что молебны и панихиды царскія служилъ исправно, то его заставляли снова ѣхать въ тѣ мѣста (инымъ приходилось по этомъ дѣлу повторять свое путешествіе даже въ запорожскую сѣчь) и непремѣнно представить свидѣтельство. Сюда же относились и прочіе, безчисленные случаи „нарушенія Высочайшей чести;“ ябедничество и мстительность подхватывали каждое неосторожное слово, подмѣчали мѣльчайшіе поступки, вытягивали изъ нихъ страшное „слово и дѣло“ и являлись въ консисторію съ таинственными доносами. Какъ случаи этаго рода бывали съ безконечными оттѣнками, на которые невозможны были подробныя узаконенія, а между тѣмъ страхъ жестокихъ наказаній за послабленіе суда не могъ быть обманчивъ, то консисторія рѣшительно терялась, не зная что дѣлать, и спѣшила поскорѣе сбыть съ рукъ дѣло. Вотъ примѣры. Въ 1729 году экономъ кіево-николаевскаго монастыря, просматривая переписанный монастырскимъ послушникомъ поминальникъ, нашелъ его неисправнымъ, разорвалъ и велѣлъ вновь переписать. А въ поминальникѣ этомъ были вписаны имена нѣкоторыхъ царскихъ особъ. Тотъ часъ эконома взяли подъ стражу. Но содержа его подъ карауломъ, не знали, въ чемъ собственно его вина? „Разорвалъ бумагу съ записью царскихъ именъ, бросилъ ее на полъ.... Можетъ быть тутъ найдется злой умыслъ противъ царскихъ особъ...“ Но какъ открыть этотъ умыслъ? Архіепископъ Варлаамъ Ванатовичъ съ консисторіею не видѣлъ здѣсь выхода для себя, и поспѣшилъ обо всемъ донесть св. Сvноду, представляя, что самъ онъ „сего, такимъ случаемъ учиненнаго дѣла, опасаяся на себе гнѣва и штрафа, съ консисторіею

рѣшити не дерзнулъ" (*). Въ 1749 году кіево-подольскій намѣстникъ Павелъ Лобко, цѣлый вѣкъ свой проведшій въ ябедничествѣ, подкапывавшійся подъ кіево-подольскаго протопопа Романа Лубенскаго, донесъ консисторіи, что тотъ въ приказѣ своемъ одному священнику явиться въ правленіе, употребилъ выраженіе *наше* (правленіе). *Мы*, *наше*—развивалъ онъ въ своемъ доносѣ, поданномъ на Высочайшее имя,—эти выраженія можетъ употреблять только царская особа; если же ихъ употребляетъ частный человѣкъ, то онъ, очевидно, посягаетъ на право Высочайшей чести. „Протопопъ,.... вѣдая себе быти раба и подданнаго, маловажная команда, отъ единой своей гордости къ уничтоженію чести Вашего Императорскаго Величества сіе титло *Наше* восхищаетъ напрасно." Консисторія засуетилась; но при всемъ стараніи не могла рѣшить и этаго дѣла, и отнеслась за совѣтомъ къ тогдашнему кіевскому генералъ-губернатору Леонтьеву. Тотъ отвѣчалъ, что въ выраженіи *Наше* не находитъ для протопопа никакой вины, и что доносъ на него есть чистая ябеда. Но консисторія не удовольствовалась его отвѣтомъ; она изложила все дѣло, и послала его въ св. Сѵнодъ, прося разрѣшить ея недоумѣніе. Но въ Сѵнодѣ, какъ и слѣдовало ожидать тогда, оставили это дѣло безъ всякаго рѣшенія (**).

Къ разряду этаго рода дѣлъ относились и всѣ случаи временныхъ непосредственныхъ требованій гражданской власти. Весь 18-й вѣкъ былъ для Россіи временемъ грома русскаго оружія, блеска придворнаго и самаго сильнаго напряженія правительства, частыхъ и рѣзкихъ перемѣнъ въ немъ, безчисленнаго множества опалъ и нежданныхъ повышеній съ безпримѣрнымъ полномочіемъ. Вошло въ обычаи, особенно при Екатеринѣ 2-й не только манифесты о перемѣнахъ въ царской

(*) Арх. св. сѵнода 1729 г. № 183.
(**) Арх. кіев. конс. 1749 г. № 1.

фамилiи, о войнахъ и под., но и всѣ распоряженiя, публикуемыя въ народѣ, объявлять въ храмахъ. Такъ, напр., въ 1775 году велѣно было священникамъ читать въ храмахъ на литургiи, впродолженiи 3-хъ недѣль, указъ о томъ, что цѣна на соль понижается пятью копѣйками на пудѣ. Въ томъ же году священники читали на литургiи впродолженiи трехъ недѣль, а потомъ ежегодно однажды, предъ пасхою, указъ о томъ, кому въ какихъ экипажахъ ѣздить, какъ прислугу одѣвать, какую сбрую на лошадей и ливрею на кучеровъ употреблять, кому можно и кому нельзя ѣздить въ золоченныхъ и посеребренныхъ экипажахъ. Въ 1782 году, по случаю учрежденiя сословiй, велѣно читать впродолженiи четырехъ недѣль, не пожелаетъ ли кто записаться въ мѣщане. Въ томъ же году: куда по какимъ дѣламъ подавать жалобы. Этимъ способомъ пользовались и низшiя власти—губернаторы, даже городничiе, чтобы легче исполнить порученную имъ самимъ иную публикацiю. Такъ напр., въ 1782 году, кiевскiй городничiй маiоръ Кругловъ требовалъ, чтобы въ храмахъ на литургiи прочитанъ былъ указъ о томъ, по какимъ дѣламъ какую гербовую бумагу употреблять для челобитныхъ, и консисторiя немедленно распорядилась объ исполненiи сего требованiя (*). Сюда же принадлежатъ и требованiя всѣхъ лицъ военныхъ, стоявшихъ тогда выше всякихъ другихъ и выше всякой мѣстной власти. Консисторскiя предписанiя по всѣмъ этимъ требованiямъ щедро надѣлялись обычными суетливыми понужденiями: исполнить „безъ медленiя и отлагательства,“ „подъ опасенiемъ штрафа и наказанiя по законамъ“ и под.

Вотъ тѣ случаи (имѣвшiе впрочемъ множество оттѣнковъ), случаи, какъ очевидно, отношенiй къ государству, къ гражданской власти, которые судились строго по новымъ узаконенiямъ. Всѣ же отношенiя внутреннiя, такъ сказать домашнiя,

(*) Тамъ же 1782 г. № 53.

разбирались по давнимъ своимъ законамъ и пріемамъ. Въ этихъ послѣднихъ нужно различать двѣ стороны, одну домашнюю, выработанную на малороссійской почвѣ, другую общецерковную, завѣщанную соборами и св. отцами.

Домашняя сторона консисторскаго суда представляетъ типъ, общій всѣмъ малороссійскимъ тогдашнимъ управленіямъ. Это въ своей основѣ знаменитая *батьковщина*, короткая справа и расправа посредствомъ пріемовъ, самыхъ обыкновенныхъ въ тогдашнемъ патріархальномъ обществѣ и въ семействахъ; духомъ ея проникнутъ былъ и весь строй этаго рода судопроизводства. Укажемъ главнѣйшія степени его.

Самымъ мягкимъ юридическимъ наказаніемъ было „держаніе на хлѣбѣ и водѣ." Приговоренный къ этому наказанію долженъ былъ просидѣть безвыходно въ консисторской или правленской тюрьмѣ извѣстный срокъ, и употреблять въ пищу только хлѣбъ и воду. Такъ наказывали за легкія вины въ оскорбленіи начальниковъ, за ссоры и брань. За болѣе важныя вины въ этомъ родѣ приговаривали „наказать барбарами (плетьми)," или же „кійками" (розгами), такъ же „батогами,"— смотря и здѣсь по винѣ, иногда наказать „нещадно," „безъ пощадѣнія." Опальнаго наказывали такимъ образомъ, по указанію консисторіи, въ самой ли консисторіи или въ правленіяхъ протопопскихъ и монастырскихъ, въ собраніи всѣхъ священниковъ или братіи. Отъ этаго наказанія не освобождались всѣ низшія духовныя лица: причетники, діаконы, священники, монахи, даже иногда игумены (*). Этаго рода расправа была тогда общею и всѣмъ судамъ малороссійскимъ, и притомъ для всѣхъ вообще сословій. Тѣлесное наказаніе лицъ священныхъ отмѣнено Екатериною 2-ю въ 1767 году. Болѣе суровымъ

(*) Арх. кіев. конс. 1745 года, № 156. **Игумена** Моровскаго скита (упраздненнаго въ 1786 г.), за неотправленіе литургіи въ одинъ царскій день, консисторія во уваженіе его старости опредѣлила: „**вмѣсто наказанія плетьми** отставить его отъ званія строительскаго."

считалось „наказаніе тюрьмою и цѣпью.“ Приговореннаго къ этому наказанію приковывали въ консисторской или правленской тюрьмѣ къ стѣнѣ, или къ столбу за руку, за ногу, или же только налагали цѣпи на руки и на ноги, и такъ оставляли здѣсь на нѣсколько недѣль, даже на нѣсколько мѣсяцевъ. Послѣднимъ иногда позволяли выходить и въ городъ, на базаръ, къ знакомымъ—въ сопровожденіи караульнаго. Вопреки нынѣшнему, нравственному взгляду на наказаніе, то время считало это послѣднее сильнѣе предъидущаго, на томъ основаніи, что оно надолго разлучало съ семействомъ и хозяйствомъ, приходившимъ отъ этого въ разстройство, и давало въ обществѣ прозваніе *тюремщика*, тогда какъ наказаніе тѣлесное вообще въ томъ же обществѣ принималось по пословицѣ: „за битаго даютъ два небитыхъ.“

Если не помогали ни розги, ни тюрьма и кандалы, тогда приговаривали виновнаго къ „ссылкѣ,“ „на покуту.“—*Покута* (эпитимія) имѣла безчисленные оттѣнки. Для лицъ бѣлаго духовенства мѣстомъ ея обыкновенно былъ какой либо монастырь, а занятіемъ—чорныя работы. Самою обыкновенною въ тѣ времена работою назначалась должность мукосѣя. Въ консисторскихъ опредѣленіяхъ писалось прямо: „сослать въ № монастырь муку сѣять.“ Наказаніе это считалось въ тогдашнемъ обществѣ чрезвычайно унизительнымъ; прозвище „мукосій“ было ужаснымъ клеймомъ на цѣлую жизнь, и похвальба: „підешъ муку сіять“ была слишкомъ грознымъ предостереженіемъ въ ссорахъ. Для другихъ же назначеніе работъ консисторія предоставляла настоятелю монастыря, который поручалъ сосланному то рубить дрова, то прислуживать въ кухнѣ, въ трапезѣ, то отправлялъ его въ деревню беречь пасѣку, хуторъ, огородъ и под. Сосланный на покуту оффиціально назывался здѣсь *ссыльнымъ, арестантомъ*, (каторжникомъ иногда); прислуга монастырская помыкала нимъ, какъ своимъ слугою, припоминала ему въ насмѣшку *панихиды* и *обѣды*

у крестьянъ, *книши* и *куры*, звала его *попомъ*, каждый *слымакъ* (послушникъ) считалъ себя выше его, потому что самъ былъ членомъ того общества, которому священникъ этотъ присланъ въ услуги. Такъ проживали эти лица здѣсь иногда по году и болѣе. А въ деревнѣ, его приходѣ, теперь отданномъ другому священнику, остаются его дѣти и жена, безъ хлѣба и прiюта!.. Это была дѣйствительно каторга, а не эпитимiя, ожесточенiе, а не исправленiе, самый неудачный прiемъ тогдашняго патрiархальнаго суда!—Монашествующихъ *ссылали* или на чорный дворъ, или въ монастырскую деревню къ полевымъ работамъ, на скотный дворъ, подъ надзоръ „атамана воловицкаго,“ который долженъ былъ уравнивать арестанта во всемъ съ прочими „воловиками,“ „гайдаями,“ а „за неисправленiе кiями наказывалъ бы.“— Смотря по преступленiямъ, ссыльный жилъ на своемъ посту или съ правами свящ. сана, или же „безъ богослуженiя, и рукоблагословенiя, и косновенiя эпитрахиля, и ношенiя рясы.“

Въ случаяхъ самыхъ рѣшительныхъ лишали священнаго сана. До 1765 года кiевская консисторiя сама лишала сана, не испрашивая на то разрѣшенiя св. Сѵнода, даже не донося ему объ этомъ. Приговоривъ лишить сана, посылали объ этомъ указъ протопопу или настоятелю монастыря; тотъ призывалъ къ себѣ виновнаго, объявлялъ ему рѣшенiе консисторiи и митрополита, остригалъ волосы на головѣ и на бородѣ его, снималъ съ него рясу, и бывшiй священникъ или дiаконъ выходилъ отъ него уже обыкновеннымъ мiрскимъ человѣкомъ, съ вѣчнымъ прозвищемъ *растриги* (*). Что касается лишенiя монашества, то до митрополита Рафаила Заборовскаго и даже до Арсенiя Могилянскаго, это, какъ и принятiе въ монастырь и постриженiе въ монашество, дѣлалось самими настоятелями монастырей, безъ вѣдома и разрѣшенiя консисторiи. Игуменъ,

(*) Въ 1765 г. св. сѵнодъ опредѣлилъ впредъ никого не лишать сана безъ его разсмотрѣнiя и рѣшенiя.

иногда въ пылу гнѣва, призывалъ къ себѣ виновнаго, приказывалъ остричь ему волосы на бородѣ, отнять у него клобукъ и рясу и вытолкать изъ монастыря,—тѣмъ и оканчивалась церемонія. Такъ же коротка была, до 1778 года, расправа съ причетниками: если *громада* не желала долѣе держать въ своемъ приходѣ дьячка или котораго либо церковника, то поручала старостѣ церковному и ключнику, безъ дальнѣйшаго суда, прогнать его; тѣ брали съ собою два—три хозяина, и съ ними объявляли своему *бакаляру* рѣшеніе громады, и объ этомъ произшествіи не увѣдомляли даже ни протопопа, ни намѣстника; священникъ приходской иногда узнавалъ объ этомъ, какъ о фактѣ уже совершившемся, но не могъ ничего сдѣлать.

(Будетъ окончаніе).

ОТЗЫВЪ О ШКОЛАХЪ КІЕВСКОЙ ЕПАРХІИ И ИХЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ОБЩЕСТВУ.

Въ № 25-мъ Современной Лѣтописи встрѣтили мы отзывъ о школахъ, открытыхъ духовенствомъ кіевской епархіи и отношеніи ихъ къ обществу, университету и нѣкоторымъ исключительнымъ партіямъ общества. Правильный, ясный взглядъ г. Анненкова на дѣло наше тѣмъ отраднѣе, что доселѣ въ журналахъ мы встрѣчали часто кривотолки объ участіи духовенства въ образованіи народа, направлявшіяся иногда и къ тому, чтобы, исторгнувъ обученіе народное изъ рукъ церкви и духовенства, созидать его на иномъ основаніи, далекомъ отъ началъ вѣры, церкви и русской народности. Съ этимъ отзывомъ мы хотимъ ознакомить нашихъ читателей въ краткомъ извлеченіи.

„Извѣстно, что духовенство Кіевской губерніи первое открыло сельскія школы по деревнямъ и создало въ короткое время систему народнаго воспитанія въ размѣрахъ, которые превосходятъ все, что по этой части мы видимъ гдѣ-либо у себя. Инипіатива этой мѣры принадлежитъ здѣшнему епархіальному начальству. Сельское духовенство, приглашенное къ открытію школъ церковной грамотности въ своихъ приходахъ, отвѣчало на призывъ, удѣляя ученикамъ не только время и труды безвозмездно, но и въ большинствѣ случаевъ скудное помѣщеніе, какимъ пользуются вообще священники по деревнямъ. Кто знаетъ связь, которая существуетъ между нравственнымъ положеніемъ школы и помѣщеніемъ, какое она занимаетъ, тотъ

пойметъ важность этой жертвы, иногда (если не постоянно) сопряженной съ значительными лишеніями для учителя и бѣдной его семьи. Мы упомянули о системѣ образованія, но это должно понимать только въ смыслѣ общаго духовнаго характера, какой получаютъ новыя школы отъ своихъ учредителей; методы же обученія и воспитанія совершенно различны. Объ единствѣ пріемовъ и педагогическихъ взглядовъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Но это не помѣха для процвѣтанія школъ, какъ свидѣтельствуютъ очевидцы. Отцы и дѣти, несмотря на разнообразіе способовъ преподаванія, довольны ихъ общимъ церковнымъ характеромъ, — первые особенно потому, что тутъ видятъ они немудреную *затѣю*, мало для нихъ понятную, а настоящее и, по ихъ разумѣнію, *нужное дѣло*; вторые особенно потому, что преподаваніе равняетъ ихъ видимо и осязательно съ самымъ высокимъ человѣкомъ по духовному образованію въ цѣломъ приходѣ. Такимъ образомъ, по общему признанію, установились между образователями и матеріаломъ образованія довольно удовлетворительныя гармоническія отношенія, которыя, на многіе глаза, кажутся способнымя надѣлить это учрежденіе достаточною силой для того, чтобы духовенство могло выдержать съ честію соперничество въ дѣлѣ народнаго обученія со всѣми другими классами общества.“

„Конечно, мы еще не дожили, да и не желаемъ дожить до того общественнаго положенія, когда вопросъ о правѣ народнаго обученія можетъ стать спорнымъ вопросомъ между партіями, изъ которымъ каждая старается захватить его въ свои руки, для того чтобы на немъ основать и имъ укрѣпить свое политическое значеніе въ государствѣ. Если какое-либо дѣло требуетъ безкорыстнаго служенія, такъ это именно дѣло распространенія грамотности и образованія въ народѣ. Покамѣсть еще нѣтъ причинъ опасаться у насъ и исключительнаго вліянія на умы того или другаго взгляда на жизнь и школу, потому что во всѣхъ учебныхъ предпріятіяхъ нашихъ дѣло идетъ совсѣмъ

не объ этой *важной матеріи*, а о томъ, чтобы положить основаніе для какой-либо умственной жизни, то-есть просто обучить грамотѣ человѣка. Особенныя, дальнія цѣли или вообще *важныя матеріи* тутъ еще только подразумѣваются, и попытки, какъ нѣкоторыхъ школъ, такъ и почтенныхъ педагоговъ въ родѣ глубоко уважаемаго ими графа Л. Н. Толстаго, устроить вмѣстѣ съ грамотой и опредѣленное удобное ложе для мысли будущаго человѣка намъ кажутся смѣлостію, которая только и привлекательна и заманчива какъ смѣлость. Сама грамота, и никто или ничто болѣе, всегда вела какъ частное лицо, такъ и народъ, при извѣстной степени свободы въ дѣйствіяхъ, туда, куда имъ нужно было идти по требованіямъ своей духовной природы. Вотъ почему благородныя усилія кіевскаго епархіальнаго начальства и духовенства къ распространенію грамотности заслужили у всѣхъ, какъ частныхъ, такъ и правительственныхъ лицъ, полную, признательную оцѣнку. Это лишь долгъ, выплаченный имъ обществомъ. Вспомнимъ, какъ велика у насъ нужда въ рукахъ, умѣющихъ указать на склады, въ способностяхъ и талантахъ, годныхъ на то, чтобы раскрыть другимъ тайну сочетанія буквъ въ слова и строки, имѣющія смыслъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что сельскія духовныя школы кіевской епархіи явились еще и вовремя, именно тогда, когда между приверженцами образованія народа по малорусски и приверженцами общерусскаго образованія, то-есть собственно между двумя азбуками, начался споръ, который могъ длиться долго — безъ видимыхъ результатовъ для самаго дѣла грамотности. Духовныя школы выросли на нейтральной почвѣ, между двумя враждебными станами, какъ начало (*), устраняющее на время притязанія той или другой партіи. Все это, вмѣстѣ взя-

(*) Духовенство начинаетъ обученіе съ церковно-славянской грамоты, а эта грамота — очень простой и естественный ключъ къ грамотности какъ великорусской, такъ и малорусской. **Редак.**

тое, представляло важные залоги успѣха, который и увѣнчалъ вполнѣ усилія здѣшняго просвѣщеннаго епархіальнаго начальства. Успѣха этого не отрицаютъ и появляющіяся изрѣдка указанія и жалобы на слабость или дурное устройство школъ въ какой-либо изъ мѣстностей (*), гдѣ возникло это церковно-образовательное преподаваніе грамоты.“

„Здѣшній университетъ, будучи представителемъ науки, выработанной центральными пунктами русскаго образованія, доселѣ, какъ и всѣ прочіе наши университеты, мало обращалъ вниманія на народное воспитаніе, а между тѣмъ, по нашему мнѣнію, университеты никакъ не должны были бы отказываться отъ призванія организовать школы на Руси. Дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы предоставить университетамъ самостоятельную административную (**) или законодательную власть надъ школами, которыхъ еще и нѣтъ, а въ томъ, чтобъ университеты раздѣляли труды по образованію народа съ министерствомъ и частными людьми, изнемогающими подъ бременемъ задачи. Вотъ почему учрежденіе при здѣшнемъ университетѣ „педагогическаго института для образованія сельскихъ учителей,“ подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей изъ округа, мы считаемъ важною мѣрой относительно народнаго воспитанія. Институтъ только что открытъ и до сихъ поръ состоитъ изъ 12-ти молодыхъ людей, начиная съ 18-лѣтняго возраста (теперь можетъ-быть ихъ и болѣе) (***), успѣвшихъ выдержать пріемный экзаменъ изъ предметовъ, составляющихъ

(*) Заявляющіе подобныя указанія и жалобы забываютъ, что духовенство учредило школы безъ пособій отъ правительства, большею частію на свои скудныя средства и учитъ безмедно. **Редак**.

(**) Вмѣсто того, чтобы созидать какую либо новую администрацію школъ въ родѣ описанной въ министерс. проэктѣ народныхъ училищъ, лучше бы сохранить уже существующую, учрежденную епархіальн начальствомъ, присоединивъ только въ число членовъ ея одного отъ министерства народ. просв. и одного отъ граждан. вѣдомства. Таково управленіе школами народными въ Южной Германіи; оно мало требуетъ денегъ, ближе къ школамъ и народу, и лучше выполнитъ свою задачу. **Ред**.

(***) Теперь до 40 человѣкъ. **Ред**.

курсъ приходскихъ училищъ и затѣмъ начавшихъ слушать лекціи, получая опредѣленную стипендію на содержаніе. О характерѣ и успѣхѣ преподаванія говорить еще рано; желающихъ поступить въ институтъ множество. Цѣль вновь возникающаго учрежденія, кажется, объяснять не нужно. Партія общерусскаго образованія, конечно, имѣетъ право думать, что для новыхъ гражданъ, образуемыхъ и здѣсь Положеніемъ 19-го февраля, знаніе языка, на которомъ пишется законодательство, глубоко измѣняющее всѣ прежнія основы ихъ жизни, совершенно необходимо, что равнодушіе народа къ московской грамотѣ не такъ непобѣдимо, какъ воображаютъ противники ея, забывая о смышленности народа, которая легко укажетъ ему гдѣ настоящее дѣло и настоящая сила, что распространеніе русской письменности не только не повредитъ нравственности и племенной цѣлостности народа, но должно укрѣпить ихъ, такъ какъ источникъ, открываемый русскою грамотой, на столько обиленъ, что въ немъ могутъ быть почерпнуты отвѣты на всѣ инстинкты и требованія пробужденной мысли и возникшаго сознанія.“

„Если характеръ исключительности былъ бы важною ошибкой и органическимъ недостаткомъ для каждаго изъ поименованныхъ нами направленій, то, наоборотъ, онъ составляетъ силу и, такъ-сказать, прирожденное свойство польской партіи. Мы намѣрены сказать о ней нѣсколько словъ съ тою осторожностію, которую предписываютъ Русскимъ ихъ оношенія къ польской національности. Невозможныя, гиперболическія притязанія, смѣемъ выразиться, польской партіи не должны бы, по нашему, удивлять людей, знающихъ, что крайняя исключительность есть ея жизненная почва и оружіе, которымъ она хорошо управляетъ и на которое всего болѣе надѣется. Конечно, это нисколько не отнимаетъ права у другой стороны бороться съ увлеченіями польской партіи, когда напримѣръ она вздумаетъ считать ревнителей мѣстнаго малорусскаго образованія на правой сторонѣ Днѣпра не естественными своими соперниками,

данными ей исторіей, а демагогами, имѣющими цѣлью возбудить сословную войну между крестьянами и помѣщиками, и когда самая могила Шевченка, виноватаго въ созданіи поэтическаго малорусскаго языка, будетъ объявлена ею памятникомъ безпрестанно вызывающимъ на семейную распрю и лишающимъ покойнаго сна одну часть населенія. Но отъ законной борьбы до ужаса и негодованія еще большое разстояніе. Не надо забывать, что, по особенности своего положенія, польская партія не можетъ отдѣлаться отъ исключительности. Мы хотимъ предполагать, что усилія этой партіи заднѣпровскаго края привлечь къ себѣ народъ нѣкоторыми имущественными жертвами въ его пользу родились изъ прямаго участія къ низшимъ сословіямъ, но это нисколько не ослабляетъ замѣтки объ общемъ характерѣ этой партіи, которая видитъ въ себѣ господствующій элементъ народонаселенія этого края и расположена, даже въ лицѣ людей, наиболѣе удаленныхъ по происхожденію, образованію, состоянію и воспитанію своему отъ сходства съ аристократіей, считать попытки всякаго независимаго развитія за преступленіе передъ собой и оскорбленіе своихъ правъ. Но именно это раздраженіе и эта исключительность, вмѣстѣ взятыя, даютъ крѣпкую внутреннюю организацію польской партіи; она не знаетъ въ нѣдрахъ своихъ разномыслія даже по поводу самыхъ смѣлыхъ, чтобы не сказать болѣе, предложеній, хотя съ другой стороны слѣдуетъ замѣтить, что эти же самыя условія ставятъ всю будущность ея въ зависимость не отъ успѣха идей справедливости, гражданской терпимости и политическаго воспитанія края, а отъ оплошности, домашнихъ затрудненій, недальновидности и податливости соперничествующихъ съ нею сторонъ. Такова историческая роль польскаго населенія въ здѣшнемъ краѣ, и относительно ея надо дѣлать кое-что другое, чѣмъ приходить въ изумленіе и негодованіе или надѣяться на невозможное устраненіе ея одною матеріальною силой."

Анненковъ.

ЗАМѢТКИ и ИЗВѢСТІЯ.

Чувство признательности временно-обязанныхъ крестьянъ с. Перегоновки къ державному Освободителю. Благодѣтельныя послѣдствія новаго положенія о крестьянахъ очень скоро восчувствованы тѣми, кого это положеніе касалось. Такимъ образомъ и Перегоновскіе крестьяне къ освобожденію своему отъ крѣпостной зависимости отнеслись далеко небезразлично. Первымъ движеніемъ ихъ благодарнаго чувства было благо желаніе видѣть хотя образъ своего благодѣтеля. Я обратился въ С. П бургъ къ книгопродавцу и издателю г. Геккелю, и вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ въ четырехъ крестьянскихъ избахъ портретъ Государя Императора во весь ростъ, на большомъ листѣ, превосходно раскрашенный, въ хорошихъ рамкахъ за стекломъ, служитъ и украшеніемъ и постояннымъ напоминаніемъ о виновникѣ возрожденія крестьянъ для новой гражданской жизни. Пятый такой же портретъ находится въ Перегоновской церковно-приходской школѣ. Трудно описать то явленіе, которое отразилось, въ слѣдствіе особенныхъ душевныхъ ощущеній, на небольшой группѣ крестьянъ, при первомъ ихъ воззрѣніи на портретъ своего Царя—Освободителя. Наканунѣ пріѣзда высокопреосвященнѣйшаго митрополита кіевскаго въ прошломъ году 2-го сент. въ г. Умань, были приглашены въ мою квартиру 10 почетныхъ прихожанъ для рукоприкладства на прошеніи, въ которомъ испрашивалось архипастырское благословеніе на пристройку новой колокольни къ Перегоновкому Крестовоздвиженскому храму. При семъ случаѣ я не могъ не показать только что полученныя съ почты 5 экземпляровъ

портрета Государя Императора Александра II. Тутъ открылась картина въ высшей степени трогательная. Въ продолженіи многихъ минутъ все вниманіе крестьянъ сосредоточилось на одномъ предметѣ; взоры ихъ какъ бы приковались къ образу никогда невиданнаго ими державнаго благодѣтеля. Насталъ моментъ глубочайшей тишины такъ, что можно было слышать удары сердца, переполненнаго радостными и глубокоблагодарными чувствами. Послѣ этаго общаго благоговѣйнаго созерцанія, 80-лѣтній крестьянинъ Никифоръ Даценко, извѣстный въ селѣ подъ именемъ Старого Нечипора, дрожащимъ отъ душевнаго волненія голосомъ произнесъ: „Оце, нашъ Отець—Голубчикъ!! Спаси бі Іому, простибі Іому!“ При семъ онъ, обратившись къ иконамъ, перекрестился и, ставъ на колѣни, со сложенными на груди руками и съ глазами полными слезъ, еще болѣе взволнованнымъ голосомъ повторилъ: „Спасибі Іому, простибі Іому! Ударуй Іому, Сыне Божій, и тутъ... и въ неби вічне царствувати за те идно добро, що Вінъ зробивъ для миру хрещеного!..“ Послѣ этого краткаго, но сильнаго душевнаго изліянія чувствъ, онъ опять перекрестился, положилъ земной поклонъ, всталъ и облобызалъ державную руку Государя на портретѣ. Другой старикъ на это замѣтилъ: „Мы недостойні цiловать Іого руки,“ и, говоря это съ глубокимъ чувствомъ, поцѣловалъ надпись подъ портретомъ. Единственный Перегоновскій грамотѣй, призванный для подписи прошенія за неграмотныхъ, при этомъ случаѣ не преминулъ заявить свое книжное разумѣніе, сказавъ: „Пророкъ Мойсей вызволивъ евреевъ изъ работы египетской, а Сей—насъ гришнихъ...“ и смѣшался. Я поддержалъ оратора, подсказавши, что въ этомъ отношеніи это—второй Мойсей. Послѣ этого крестьяне с. Перегоновки выразили общее желаніе имѣть большой колоколъ съ именемъ Царя Освободителя и съ надписью „19 февр. 1861 г.“ Начало сдѣлано: 26 августа того же года, въ день празднованія коронованія и священнаго

помазанія на царство Государя Императора, послѣ литургіи и молебна, Перегоновскій сельскій староста Василій Голобородько представилъ церковному старостѣ для храненія въ церкви 101 р. 65 к. сер., наканунѣ заработанные у г. посессора, какъ задатокъ на означенный колоколъ, который долженъ служить памятью потомству.

Такъ же заявлено непремѣнное желаніе всего Перегоновскаго общества украсить одинъ изъ придѣловъ приходскаго храма по возможности цѣннымъ образомъ св. Александра Невскаго. Желаніе это не осуществлено пока потому, что, въ настоящее время, крестьяне на свой собственный счетъ созидаютъ новую колокольню.

Много перемѣнилось въ Перегоновкѣ со времени перехода крестьянъ въ званіе обязанныхъ сельскихъ обывателей. Между прочимъ въ воскресные и праздничные дни храмъ до тѣсноты наполняется молящимися;—въ кабакѣ и около совершенная тишина и безлюдье, а прежде бывало совсѣмъ на оборотъ!— Свящ. *І. Гиричъ.*

— *Отзывъ приходскаго священника о ярмаркахъ въ воскресные и праздничные дни.* Прочитавъ въ 11 № Еп. Вѣдомостей статью „Вопросъ о ярмаркахъ,“ спѣшу сообщить редакціи слышанное объ этомъ предметѣ отъ сельскаго духовенства и прихожанъ, во время обозрѣнія сельскихъ приходскихъ училищъ, по обязанности наблюдательской.

Что народъ неблагосклонно смотритъ на торговлю въ праздники, это подтверждается слѣдующими отзывами: „чѣмъ бы, батюшка, помолиться въ такой великій праздникъ, говорилъ одинъ среднихъ лѣтъ крестьянинъ о ярмаркѣ, которая бываетъ въ куриловскомъ отдѣленіи г. Кіева на Духовъ день, чѣмъ бы помолиться, да отдохнуть отъ вседневныхъ трудовъ, нѣтъ—тащись на ярмарку, а не пойдешь, все какъ-то чего-то не достаетъ.“ А согласны бы вы, что бы ярмарки были всегда въ будни? „Отъ чего же?“ Не будетъ вамъ помѣхи въ работѣ?

„И,—батюшка, какая тамъ у насъ работа? Земля небольшая, хозяйство крошечное,—управимся, а праздничными днями не поправишь, а скорѣе разоришь послѣднее. Видите, батюшка, на Духовъ-то день какія оказіи; видно *хула на св. Духа* не проходитъ даромъ. Вонъ въ селѣ М. при перепрaвѣ черезъ паромъ ярмарочные гости уронили дитя въ воду и погибло; въ селѣ Л. утопленникъ; въ городѣ никакъ три; на самой ярмаркѣ, сказывали, дѣвка убила каромысломъ солдата; въ селѣ В. пьяные чуть не перестрѣлялись, а сколько другихъ оказій, о которыхъ еще мы не знаемъ, и все это въ одинъ день и въ одномъ небольшомъ околодкѣ.“ Другой крестьянинъ жаловался, что онъ съ роду первый разъ на Тройцу нанялся перевощикомъ на паромъ и потерялъ вдесятеро, у него свитку здѣсь украли.

Если бы масса была недовольна такою перемѣною, то это давно бы видно было при перемѣнѣ ярмарочныхъ дней ради жидовскихъ праздниковъ, каковая зачастую происходитъ у насъ въ городахъ и мѣстечкахъ, за исключеніемъ одного Кіева. Тутъ не нужно много „развитости въ религіозномъ отношеніи,“ что бы уяснить себѣ поводъ этой формы. Всегда ли мужичекъ ѣдетъ на ярмарку по нуждѣ? Не часто ли только для того, чтобы повидаться съ пріятелями, выпить даровую чарку при торговой сдѣлкѣ знакомыхъ, угостить другихъ и безъ шапки, съ подбитымъ глазомъ, возвратиться въ свое село? И *наконецъ*, всѣ ли простолюдины дѣйствительно такъ дорожатъ рабочимъ временемъ, какъ мы думаемъ? Войдите въ любой сельскій кабачекъ въ какой угодно іюльскій день, и вы убѣдитесь въ противномъ.

Нѣтъ, господа прогрессисты, развитые во всѣхъ отношеніяхъ кромѣ религіознаго, мы одно будемъ твердить вамъ, что если народъ нашъ хладнокровно смотритъ на перемѣну ярмарочныхъ дней ради жидовскихъ праздниковъ, то нечего

вамъ опасаться, что бы онъ роптал на распоряженіе, которымъ оказывается уваженіе къ его вѣковой, кровію отстоянной религіи. Нашъ простолюдинъ очень хорошо знаетъ, что такое *еже святити день суботній* (день покоя), и какое зло *разорять заповѣдь Божію* ради *преданій* невѣжественной *старины* (Матѳ. 15, 6). Свящ. *П. Р.*

Некрологъ. 2-го іюля скончался въ предмѣстьи г. Кіева, Куреніовкѣ, послѣ продолжительной грудной болѣзни, инспекторъ кіевской духовной академіи, ординарный профессоръ богословія, архимандритъ Меѳодій на 29 г. жизни. Отпѣваніе покойнаго, послѣ литургіи, совершено 4-го іюля въ кіево-братскомъ монастырѣ высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ кіевскимъ Арсеніемъ; останки о. Меѳодія погребены съ правой стороны большой монастырской церкви, подлѣ южныхъ дверей.

Освященіе воды на крещатицкомъ источникѣ и закладка храма во имя св. Владиміра. 15-го іюля въ день памяти св. Владиміра, и въ этомъ году, по окончаніи литургіи въ старо-кіевской Десятинной церкви, совершенъ изъ нея крестный ходъ для освященія воды на крещатицкомъ источникѣ св. Владиміра, при также многочисленномъ стеченіи народа. Къ этому празднику павильонъ надъ источникомъ обновленъ заботливостью Д. С. С. А. Н. Муравьева и стараніемъ кіевскихъ граждан Ищенка и Демиденка. По окончаніи церемоніала и освященія воды, на шоссейной улицѣ, противъ ботаническаго университетскаго сада совершена закладка храма во имя св. равно-апостольнаго Владиміра. Оба торжества совершены высокопреосвященнымъ митрополитомъ Арсеніемъ, при участіи преосвященнаго викарія, епископа Серафима, и всего городскаго духовенства. И такъ городъ св. Владиміра наконецъ будетъ имѣть храмъ во имя св. Владиміра; Россія, жертвуя на созиданіе этого храма, исполняетъ долгъ священной благодарности своему Просвѣтителю.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Поступила въ продажу новая книга: *Пособіе къ повторенію уроковъ* **о Церковномъ Богослуженіи Православной Церкви**, читанныхъ старшимъ воспитанницамъ Кіевскаго Института Законоучителемъ, священникомъ *Н. Оглоблинымъ*. 1862 г. въ 8-ю дол. лист., на 150 и I—XII страницахъ.

Сочиненіе это главнѣйшимъ образомъ имѣетъ своею задачею—*пояснительное изложеніе текста нашихъ важнѣйшихъ Богослужебныхъ пѣснопѣній и чтеній*, въ порядкѣ и условной полнотѣ нашего главнаго, т. е. праздничнаго церковнаго „чина," или „устава," и, въ общихъ чертахъ, имѣетъ слѣдующій составъ:

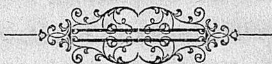
Краткія предварительныя свѣдѣнія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: источники церковнаго Богослуженія и общій составъ его. ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ: о церковно-богослужебныхъ книгахъ. ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ: о молитвословіяхъ церковнаго Богослуженія. ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ: объ обрядахъ православнаго Богослуженія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: изложеніе церковнаго Богослуженія. ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ: о Богослуженіи общественномъ каждодневномъ, или суточномъ. ГЛАВА I: о воскресной и праздничной вечернѣ съ утренею: а) Великая вечерня; б) Утреня; в) Первый часъ. ГЛАВА II: о Божественной литургіи, или обѣднѣ: а) Третій и шестый часы, и Проскомидія; б) Литургія предуготовительная; в) Литургія тайнодѣйственная, или собственно ОБѢДНЯ. ГЛАВА III: о Девятомъ часѣ, Повечеріи и Полунощницѣ. ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ: объ особенностяхъ общественнаго Богослуженія праздничнаго и великопостоваго. ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ: о церковномъ Богослуженіи частномъ, или такъ называемыхъ „требахъ."

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: необходимыя приложенія къ изложенію церковнаго Богослуженія. **ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ**: о Храмахъ **ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ**: о Священнослужителяхъ. **ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ**: о священныхъ одеждахъ.

Объявляемая книга продается въ Кіевѣ: а) у сочинителя, Кіево-Софійскаго соборнаго священника, *П. Оглоблина*, въ соборномъ домѣ; б) *въ редакціи* кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, и в) въ книжномъ магазинѣ *Степана Ивановича Литова*, на Крещатикѣ.—Цѣна экземпляру безъ пересылки 45 к., съ пересылкою 60 к.—Пріобрѣтающимъ книгу въ 10 и болѣе экземплярахъ дѣлается уступка по 5 к. съ экземпляра.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 12-го іюля 1862 г. Цензоръ **Н. Щеголевъ**.
Въ типографіи **И. и А. Давиденко**.